

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(письмоносец, светоч, почва, плюгавый, поединок, предвзятый, предумышленный, представитель, царедворец)

1. ПИСЬМОНОСЕЦ

Многие славянизмы на протяжении веков то выталкиваются из лексической системы русского литературного языка, то вновь включаются в нее. Изучение этого явления прежде всего должно быть дифференцировано в отношении производных и производных слов. Ведь производные слова могут не только реставрироваться, но и вновь создаваться из соответствующих морфологических элементов по живым моделям. В каждом отдельном случае вопрос должен быть подвергнут всестороннему обследованию на фоне общей истории русского литературного словообразования, и только реконструкция полной, конкретной истории отдельных слов или семантических рядов слов даст вполне надежный материал для открытия общих закономерностей в развитии этих семантических процессов.

Интересна судьба слова *письмоносец*. Его нет в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Однако есть все основания утверждать, что в позднем церковнославянском языке XVI—XVII вв. такое образование уже существовало (ср. в кн. «Эсфирь», 8, 10: «Послаша писания через *письмоносцы*»). В русском литературном языке XVIII в. это слово не было употребительно¹. Оно было вытеснено заимствованиями — *постильон*, *почталион*, *почтарь* (ср. польск. *postyliion* и *rocztarz*, нем. *postilion*, франц. *postillon*). Н. А. Смирнов отметил в официальном языке начала XVIII в. обе формы — *почталион* и *постильон*². Понятно, почему в словарях Академии Российской слово *письмоносец* квалифицируется как чисто «славенское», т. е. свойственное преимущественно церковнославянскому языку или высокому, торжественному слогу. Употребление этого слова иллюстрируется лишь цитатой из Библии. Определяется слово *письмоносец* так: «посыльный к кому с пись-

¹ Ср. в «Русском словотолке» проф. Н. Курганова: «*Постилион*, *почтарь* — гонец, баскак». «Писмовник...», Изд. 6, 1796, стр. 258.

² Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 88, № 2. СПб., 1910, стр. 235.

мами»³. Но, понятно, в высоком слого XVIII в. индивидуальное употребление слова *письмоносец* было вполне возможно. Между прочим, слово *письмоносец* встречается в Вейсмановом «Латино-немецко-русском лексиконе» 1731 г. (стр. 729).

В академическом словаре 1847 г. слово *письмоносец* уже прямо признается церковным. Оно истолковывается так: «посыльный с письмами»⁴. Во всяком случае ясно, что слово *письмоносец* не употреблялось в официальном, деловом стиле XVIII и XIX вв. Здесь ему соответствовали образования: *письмовручитель* (отмеченное лишь в словарях Академии Российской как возможный синоним слова *письмоподатель*) и *письмоподатель*. Слово *письмоподатель* указывается и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. — без всякой стилистической пометы. Оно определяется так: «подающий, приносящий письмо»⁵.

В «Толковом словаре» В. И. Даля, как и следует ожидать, слово *письмоносец*, взятое из академического словаря 1847 г., приводится без всяких ограничительных указаний: «*письмоносец* — разнощик писем, писемщик»⁶. Очевидно; Даль был не прочь ввести это слово в общее употребление. Тем более что слово *почтарь*, так же как и *почтальон*, имело более широкий объем значения: «присяжный почтовый служитель для провожания, отвоза почты и разноски писем, гонец»⁷.

Конечно, и тогда в индивидуальном употреблении слово *письмоносец* могло возникать и применяться, выражая свой прямой этимологический смысл. Но оно не было официальным термином и не входило в активный словарь литературного языка в течение всего XIX в. и начала XX в. — до эпохи Великой социалистической революции. М. Хостник в «Словинско-русском словаре» (Горица, 1901) при словинском слове *pis-toposec* выражает пожелание, чтобы такое же слово было введено в русский язык вместо *почтальон*. Академик П. А. Лавров в рецензии на словарь Хостника не оспаривал этого замечания о неупотребительности в русском языке конца XIX — начала XX в. слова *письмоносец*⁸.

А. М. Селищев в своем исследовании «Язык революционной эпохи» (М., 1928) еще не отметил возрождения слова *письмоносец*. Очевидно, широкое распространение слова *письмоносец* в наше время относится лишь к 30-м годам XX в. Не может быть сомнения в том, что это слово вновь образовано

³ «Словарь Академии Российской», ч. IV. СПб., 1822, стб. 1084.

⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III. Изд. 2. СПб., 1867, стб. 463.

⁵ Там же.

⁶ Даль, III. Изд. 2, стр. 115.

⁷ Там же, стр. 384.

⁸ ЖМНП, 1902, январь, стр. 185.

по типу *орденосец, знаменосец, оруженосец* и т. п. Нет никаких оснований предполагать, что в современном русском языке произошла реставрация древнерусского славянизма.

2. СВЕТОЧ

История значений слова тесно связана не только с переходом, с переключением этого слова из одной социально-языковой (сословной, профессиональной, групповой) системы в другую, но и с его морфологическими переразложениями, с его стилистической переквалификацией, с его блужданиями по разным стилям литературной речи.

Слово *светоч* в современном русском языке относится к книжно-риторическому стилю и употребляется по большей части в переносном смысле — применительно к тому, кто или что является источником просвещения, свободы, высоких идей. Ср. выражения: «*светочи науки*», «*светочи христианства*», «*светоч демократизма*».

Но в русском литературном языке XVIII и первой половины XIX в. без резкого оттенка высокого, патетического стиля слово *светоч* могло выражать и свое прямое значение: 'свеча, факел, светильник'. Так, у И. И. Лажечникова в романе «Басурман» (ч. II, гл. 6): «Дверь отворилась и — перед ним старик, белый, как лунь. *Светоч*, который он держал в руке, освещал на лице его грустную заботливость». Ср. там же: «вырывают *светочи* из рук холопов»; «спрашивали друг друга о причинах тревоги, зажигали *светочи*, толкали друг друга»⁹. Ср. у Пушкина в стихотворении «Андрей Шенье»:

Твой *светоч*, грозно пламеня,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнив
Сих палачей самодержавных¹⁰.

Ср. у И. И. Лажечникова в рассказе «Гримаса моего доктора (Из походной записной книжки 1813 года)»: «Печать бога резко означалась на высоком челе, в глазах горел *светоч* ума и благородства»¹¹.

Любопытно, что в словарях Академии Российской, в «Общем церковно-славяно-русском словаре» акад. П. И. Соколова, в «Академическом словаре церковнославянского и русского

⁹ И. И. Лажечников. Собр. соч., т. V. СПб., 1858, стр. 131; ср. «Басурман». Изд. «Известия». М., 1961, стр. 178, 179, 185.

¹⁰ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1949, стр. 260. См.: М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. СПб., 1912, стр. 780—781.

¹¹ И. И. Лажечников. Собр. соч., т. VII. СПб., 1858, стр. 353.

языка» 1847 г. слово *светоч* определяется как «большая свеча, факел» и не сопровождается никакой пометой. Это говорит о том, что в то время слово *светоч* считалось принадлежностью простого и среднего стилей. Та же позиция в отношении слова *светоч* поддерживается и «Толковым словарем» В. И. Даля, но здесь указывается своеобразный оттенок употребления этого слова. «*Светоч* — большая свеча или факел, смолевая горелка. Похороны со *светочами*»¹². Даль указывает и производное слово *светочник* — факелоносец, факельщик¹³.

Очевидно, в русском литературном языке второй половины XIX в. слово *светоч* в своем прямом значении становится устарелым. Оно вытесняется синонимом *факел*. Но в риторическом стиле оно употребляется в переносном смысле (ср. «*светильник науки*» и т. п.).

В «Малом толковом словаре русского языка» П. Е. Стояна (изд. 3. Пг., 1916, стр. 530) слово *светоч* толкуется таким образом: «1) яркий светильник; факел; большая свеча. 2) гениальный поэт; философ, мыслитель». Ср. в «Дневнике» Ел. Дьяконовой («Дневник на Высших женских курсах», 1895 г.) в передаче содержания лекции проф. И. М. Гревса: «Интеллигентный человек для своего развития должен заниматься наукой. Может ли масса действительно служить обществу, как свет? (Сумма интеллигентных факторов в обществе — то, что по-французски называется *светочами* — *les lumières*)»¹⁴.

Нельзя сомневаться в том, что слово *светоч* — русское, не заимствованное. Вместе с тем морфологический состав этого слова кажется странным, непонятным. Древний суффикс *-очь* в словах мужского рода в русском литературном языке не сохранился. Правда, такой суффикс, несомненно, существовал в древней славянской языковой системе. Проф. Г. А. Ильинский в своей «Праславянской грамматике» возводил суффикс *-очь* (*-оць*) к древнейшей общеславянской системе словообразования (примеры: *blъvoць* 'плевок', *laskoць* 'adulator', 'льстец')¹⁵.

Если отнести слово *светочь* к этому древнейшему типу отглагольного словообразования, то оно было бы единственным его остатком в составе русского языка. Вместе с тем нет никаких оснований подозревать здесь русское заимствование хотя бы из старославянского языка или вообще из южнославянских языков. Слово *светоч* является исконным руссизмом. Однако в современных народных говорах и в древнейших па-

¹² Даль, IV. Изд. 2, стр. 161.

¹³ Ср. там же попытку Даля сопоставить со словом *светоч* слово *светчий* — свадебный чин, дружка. Это неправильное сближение. Ср. *ловчий, кравчий* и т. п.

¹⁴ «Дневник Елизаветы Дьяконовой». Изд. 4. М., 1912, стр. 194.

¹⁵ Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 378.

мятников русской письменности пока не отмечено слова *светоч*. Правда, в «Словаре белорусского наречия», составленном И. И. Носовичем (СПб., 1870), указано слово *светоч* как широко распространенное в белорусской народной речи: «*Светоч*... Светец. Лучинка выпала с *светоча*. Посведи мне! — Я не *светоч* тебе, што буду свециць» (стр. 576). Но в «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченка (Киев, 1909) слово *світоч* не отмечено. В современном «Русско-украинском словаре» под редакцией акад. М. Я. Калиновича (Киев, 1948) для слова *світоч* указывается только переносное значение, что свидетельствует о позднем заимствовании его из русского литературного языка.

Вместе с тем есть указания на то, что форма *светочь* могла возникнуть в результате фонетического видоизменения другого народного русского суффикса. Можно думать, что этот процесс морфологического преобразования состава слова произошел в конце XVII — начале XVIII в. на почве акающих говоров. В самом деле, в древнерусском языке отмечено слово *свѣтычъ* в значении 'фонарь', 'светильник'. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. III, стр. 297) приведен такой пример из «Хождения за три моря Афанасия Никитина»: «А ѣздить на конех да в dospѣсах, да у всех по *светычю*». В той же форме известно это слово и в языке XVII в. Например, в Ратном Уставе (II, 42): «Возити въ ней *свѣтычъ* желѣзной сь острымъ петникомъ желѣзнымъ»¹⁶.

В современных народных говорах также известно слово *светыч*. В. И. Даль считает это слово западным, т. е. типичным преимущественно для говоров, близких к белорусскому и украинскому языкам: «*Светильна* ж. прм. вят., *светыч* зап., а вообще *светец* — коза, род шандала для лучины; железный, пониже аршина, треножник, с лещедкой или рассошкой, для вложения горячей лучины, деревянный столбик в донце с железными ушами, с вилкою вверх»¹⁷. В украинском языке также есть слово *свитыч*¹⁸. В «Опыте сравнительного словаря русских говоров» Ил. Свенцицкого («Живая старина», 1900, вып. I—II, стр. 227) отмечено: в украинских и севернорусских говорах «*светич* (Либ. Т. С.), род шандала для лучины; (Яс.) длинная жердь со свечкой на конце, служащая для зажигания свечей в церкви». Впрочем, как указано выше, в украинский литературный язык из русского языка вошло и слово *світоч* (см. «Російсько-український словник». Киев, 1937, стр. 717). Слово *світоч* и там употребляется лишь в переносном смысле.

¹⁶ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. IV. Изд. 2., СПб., 1867, стр. 223.

¹⁷ Даль, IV, стр. 161.

¹⁸ См., например: Е. Тимченко. Русско-малороссийский словарь, т. II. Киев, 1899, стр. 156.

Таким образом, семантическая история слова *светоч* становится более или менее ясной. Древнерусокому языку, во всяком случае его феодально-областным разновидностям, было свойственно слово *свѣтычь*. Оно обозначало источник света или прибор, приспособление для освещения. Понятно, что материальный вид, внешние формы и технические свойства *свѣтыча* были различны в разной среде, в разных условиях материальной культуры. *Свѣтычь* — и примитивное сооружение для лучины, факел, и несомая в руках свеча, но никогда не лампа и не лампада. Слово *свѣтычь* вошло и в московский государственный язык. Оно имело все основания для того, чтобы стать общенациональным. Однако суффикс *-ычь*, легко выделяемый при наличии такой основы, как *свет-*, выдавал его диалектную и архаическую природу. Он имел слишком яркую народную, демократическую окраску. В русском литературном языке не было однородного суффикса с той же функцией: суффикс *-ич* (и его варианты *-ович* и отсюда просторечное *-ич*) указывает на лиц, обозначаемых по их семейным или общественно-территориальным отношениям. Слово *свѣтычь* оставалось одиноким, изолированным. Этим объясняется его фонеморфологическая деформация в *светоч*. В этой форме слово *светоч* теряет стилистические черты просторечия или простонародности. Оно уже в литературном языке XVIII в. входит в норму среднего стиля. Вместе с тем оно отрывается от своей бытовой базы. Оно перестает быть названием обиходного предмета. Его значение становится отвлеченным, книжным и одновременно в узком профессиональном кругу специализируется применительно к погребальным факелам. Весь этот антураж содействует последовавшему в середине XIX в. переходу слова *светоч* в сферу высокого, литературно-риторического стиля. Таким образом, история слова *светоч* представляет яркий пример резких стилистических перемещений слова, связанных с изменениями морфологического облика слова и его семантической структуры, его фразеологического окружения.

Вместе с тем эта история заставляет допустить для древнейшей эпохи истории славянских языков суффикс *-уць* (*-ычь*) рядом с *-укъ* (*-ыкъ*). Ср. *jęзыкъ* (совр. язык), *катыкъ* (камыкъ), *кметыкъ* (кремыкъ); ср. *voldyka* (ст.-слав. владыка), *motyka* (мотыка)¹⁹.

3. ПОЧВА

Слово *почва* этимологически родственно слову *подошва*. Согласно объяснению А. А. Потевни²⁰, *почва* образовалось из *подъшьва* после утраты редуцированных звуков и вызванной

¹⁹ Ср.: Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. 379.

²⁰ А. А. Потевня. К истории звуков русского языка, IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, стр. 82.

этим процессом ассимиляции групп согласных, т. е. приблизительно в XIV—XV вв.

Как известно, в областных русских диалектах широко распространена и форма *пошва* из *потшва* (очевидно, там, где *ш* рано отвердело).

Этимология, предложенная Потебней, принимается большинством ученых, например А. Л. Погодиным²¹, А. Преображенским²², Л. А. Булаховским²³, А. А. Шахматовым²⁴ и Л. Л. Васильевым²⁵. Верность гипотезы Потебни подтверждается и показаниями родственных славянских языков, и древних памятников русского языка, и тесной семантической связью, еще не вполне разорвавшейся в народных говорах, между историей слов *почва* и *подшва*. В самом деле, слово *почва* в некоторых областных крестьянских говорах русского языка, например олонецких, и до сих пор сохраняет старинное значение: 'подошва'.

Слово *подъшва* в языке древнерусской письменности выражало два основных значения: 1) нижняя часть обуви, имеющая форму ступни, испод обуви (как определяет И. И. Срезневский, нижняя часть ступни); 2) фундамент, основание. Например, в Копенгагенском сборнике XVII в.: «Пожгло не токмо что полаты но и *подшву* каменую»²⁶. Эти значения сохраняются в слове *подошва* и до настоящего времени, особенно в профессиональных диалектах. В «Словаре Академии Российской» значения слова *подошва* определяются так: 1) исподняя часть ступни у человека, простирающаяся от пальцев до запяток, низ обуви; 2) толстая кожа, подшиваемая к низу обуви. *Подошвы у сапогов протоптались*; 3) самый низ, основание чего. *Подошва* горы, стены, башни. *Срыть дом до подошвы*²⁷.

²¹ А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903, стр. 202, примеч.

²² Преображенский, II, стр. 118.

²³ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 104. — Л. А. Булаховский предполагает, что первоначально соответствующее образование звучало *подъшвъ*, откуда *подшевь* и затем *почевь*, а в косвенных падежах — *подшви* (ср. чеш. диал. *pošev*, род. пад. ед. *pošvi* и *pošva*, *pošvu*).

²⁴ А. А. Шахматов писал: «При *подъшва*, откуда *подошва*, существовало исконно *подшва*, ср. в *подшву* Устюж. 1554, № 111, совр. великор. *почва*» («Очерк древнейшего периода истории русского языка». «Энциклопедия славянской филологии», вып. 11, ч. 1. ОРЯС АН. Пг., 1915, стр. 248).

²⁵ Л. Л. Васильев, допуская возможность в древнерусском языке исчезновения подряд двух глухих, ссылается на образование *почва* из *подъшва* («К характеристике сильно-акающих говоров». — РФВ, 1907, № 4, стр. 259. Ср.: его же. Одно соображение в защиту написаний *ьрь*, *ьръ*, *ьръ*, *ьль* древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия. — ЖМНП, ч. XXII, 1909, август, стр. 308).

²⁶ Срезневский, II, стр. 1071—1072.

²⁷ «Словарь Академии Российской», ч. IV, стр. 1311.

Ср. у Е. В. Барсова в «Причитаниях Северного края» (ч. I. М., 1872, стр. 285): «До подошвы они [мироеды] всех да разоруют».

В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» к этим трем значениям присоединяется четвертое — архитектурное: «Две верхние точки над опорами, где упираются оба конца линии свода»²⁸. Очевидно, это специальное значение сложилось лишь в конце XVIII—в начале XIX в.

Слово *почва*, отделившись от слова *подошва* (в силу фонетических отличий и связанной с ними морфологической неразложимости), естественно, должно было развиться в разных диалектах, а затем и в литературном языке иные значения. По-видимому, первоначальные значения — 'подшиваемая нижняя часть обуви, имеющая форму ступни' и 'нижняя часть ступни' — сохраняются в слове *почва* лишь в областных говорах. Отсюда на основе метонимического переноса развилось значение: 'низ, основание, то, на чем стоит нога; верхний слой земли'.

В русском литературном языке XVIII в. считалась более нормальной и во всяком случае была более распространенной форма *пошва*, чем *почва*. По крайней мере в «Словаре Академии Российской» находим: «*Пошва* и *почва*, -вы, с. ж. 1 скл. Материк. *Дорыться до почвы*»²⁹.

У И. Н. Болтина в «Примечаниях на Леклерка» (I, стр. 549): «Отдаление от средоточия государства, *пошва* неплодная, климат суровый, местоположение низкое и болотное»³⁰.

У Г. Р. Державина употребление формы *пошва* обычно:

... с *пошвы* до конька.
И около презренным взглядом
Мое строение слегка
С своим обзревая рядом,
Ты ... мнишь...³¹

Ср.: На *пошве* их моря явятся³².

В той же диалектной оболочке *пошва* встречается и в литературном языке первой четверти XIX в., например у П. А. Вяземского. «Мои слова — зерна, — пишет он А. И. Тургеневу 20 января 1821 г. — Сами собою ничего не значат, но, вверен-

²⁸ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 565.

²⁹ «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 115.

³⁰ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. V. СПб., 1880, стр. 158.

³¹ См.: А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, 1. Введение. Харьков, 1888, стр. 16.

³² См.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. IX. СПб., 1883, стр. 342, 411.

ные *пошве* производительной, они могут приготовить богатую жатву. Ты — *пошва* хорошая ли? Ты можешь хорошо зачать (*concevoir*), я знаю; но не слишком ли осторожная, не слишком ли ты обдумывающая *пошва*?»³³

Более живучим в слове *почва* оказалось значение 'низ, основание, фундамент'. Это значение сохраняется не только в народных диалектах, но и в специальных, технических языках. Оно отмечалось «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г. Пример: «*почва* россыпей»³⁴.

В связи с этим значением находятся и другие профессионально-технические значения слова *почва*, оформившиеся к XVIII в. Они так описываются академическим словарем 1847 г.: «В горном и заводском производствах: а) нижняя часть всякой горизонтальной выработки; б) чугунная доска под пестами толчеи, похзоль; в) под плавильной печи; г) пол плавильни»³⁵.

В современном языке сюда же примыкает геологическое значение: «порода, на которой залегают полезное ископаемое»³⁶.

По-видимому, на основе значения 'низ, основание, фундамент' складывается не позднее XVII в. значение: 'грунт, твердая земля, поверхность земли, верхний слой земной коры'.

В XVIII в. сюда же примыкает научное значение, выработанное в геогнозии: «Система формации известной древности (*почва* меловая, каменноугольная), тот или иной состав, то или иное качество верхнего слоя земной коры в той или иной местности (глинистая *почва*, черноземная *почва* и т. п.)».

В языке Пушкина слово *почва* отмечено лишь в «Анчаре»:

В пустыне чахлой и скупой,
На *почве*, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,¹
Стоит — один во всей вселенной³⁷.

В 40—50-х годах XIX в. происходит новый семантический скачек в истории значений слова *почва*. Оно сближается с французским *terrain*. Под влиянием французского переносного словоупотребления складывается новая фразеология: нащупать *почву* — *tâter un terrain*, зондировать *почву* — *sonder un terrain*, найти (подходящую) *почву* — *trouver un terrain*, не терять *почвы* (под ногами) — *ne pas perdre un terrain*, на *почве* чего-

³³ Ср.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. 1. Киев, 1941, стр. 222.

³⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 876.

³⁵ Там же.

³⁶ Ушаков, III, стр. 673.

³⁷ «Словарь языка Пушкина», т. III. М., 1959, стр. 616.

нибудь — *sur le terrain*, иметь под собой твердую *почву*, создать благоприятную *почву* и т. п.³⁸

В слове *почва*, отчасти на основе его старого значения — ‘основание, фундамент’, отчасти на основе семантических толчков, идущих от французского языка, развивается фразеологически связанное переносное значение — ‘опора, основа, то, на чем можно утвердиться’.

Например, у Н. Г. Чернышевского в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «То, что не имеет корней в *почве* жизни, остается вяло и бледно, не только не приобретает исторического значения, но и само по себе, без отношения к действию на общество, бывает ничтожно»³⁹. В письме В. П. Боткина И. С. Тургеневу от 17 ноября 1865 г.: «Верно, без *почвы* никакое литературное произведение не будет удачно; я разумею без сознательно твердой *почвы*... дар поэзии дан тебе русскою *почвою*»⁴⁰.

У Ф. М. Достоевского в статье «Г-бов и вопрос об искусстве»: «Вся *почва*, вся действительность выхвачена у вас из под ног»⁴¹.

У И. С. Тургенева в «Рудине»: «Строить я никогда ничего не умел; да и мудрено, брат, строить, когда и *почвы*-то под ногами нету, когда самому приходится собственный свой фундамент создавать!»⁴²

У Достоевского в «Скверном анекдоте»: «Он терялся, он чувствовал, что ему неловко, ужасно неловко, что *почва* ускользает из-под его ног, что он куда-то зашел и не может выйти, точно в потемках»⁴³; у него же в «Идиоте»: «Кто *почвы* под собой не имеет, тот и бога не имеет»⁴⁴.

У Салтыкова-Щедрина: «*Почва* колебалась под ногами; завтрашний день представлялся загадкою» («Круглый год», 1 мая)⁴⁵.

У Данилевского в романе «Девятый вал»: «Экзамены были на носу. Подготавливаю *почву*, — думал он: там и за экзамены»⁴⁶.

³⁸ Ср. у К. С. Станиславского: «Мы не умели создавать в своей душе благоприятную *почву* для сверхсознания» («Моя жизнь в искусстве». М., 1933, стр. 387).

³⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1906, стр. 272.

⁴⁰ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, 1851—1869. Academia. М.—Л., 1930, стр. 230—231.

⁴¹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 10. СПб., 1883, стр. 59.

⁴² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М., 1954, стр. 126.

⁴³ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4. М., 1956, стр. 26.

⁴⁴ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 6. М., 1958, стр. 618.

⁴⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIII. ГИХЛ. Л., 1956, стр. 215.

⁴⁶ М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. СПб., 1912, стр. 681.

У П. Боборыкина в рассказе «Прошло»: «Когда почва была подготовлена, она очутилась в его объятиях»⁴⁷.

У Б. Маркевича в произведении «Марина из Алого рога»: «Марина чувствовала, что у нее уходит почва под ногами, что она приходит к заключениям, совершенно противоположным тому, что она до сих пор почитала реальной истиной и... говорила себе... что она изменяет свои убеждения...»⁴⁸.

Ср. у Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: «Такому органическому (мозговому) уму, как наш, конечно, трудно себе вообразить другой, да еще высший ум без органической почвы»⁴⁹.

У К. С. Станиславского: «Что было неясно, стало ясным; что было без почвы, получило ее»; у него же: «Девственная, нетронутая почва молодежи воспринимает все, что ни посеешь ей в душу»⁵⁰.

В 50—60-х годах в кругах «молодой редакции Московитянина», а затем в кружке Ап. Григорьева, Ф. М. Достоевского и Н. Н. Страхова слово *почва* приобретает значение: 'родная национальная среда, глубоко народная основа жизни'. Ср. *почвенник, почвенничество*.

У Н. Г. Помяловского в романе «Молотов»: «... Среда... .. заела... Новые пустые слова... я просто продукт своей почвы»⁵¹.

У А. К. Толстого в стихотворении «Поток-богатырь»:

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
Угрожают Поток беду.

Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогресс.
И что кто-то заеден средою...⁵²

У Ф. М. Достоевского в «Записках из подполья»: «Я вас прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь к стомам образованного человека девятнадцатого столетия, страдающего зубами, ...когда он начинает уже не так стонать, как в первый день стонал... а так, как человек, тронутый развитием и европейской цивилизацией стонет, как человек «отрешившийся от почвы и от народных начал», как теперь выражаются»⁵³.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях»: Зато как же мы теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании,

⁴⁷ М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, стр. 105.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Н. И. Пирогов. Сочинения, т. II. СПб., 1910, стр. 26.

⁵⁰ К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М., 1933, стр. 198 и 678.

⁵¹ Н. Г. Помяловский. Полн. собр. соч., т. I. Academia. М.—Л., 1935, стр. 181.

⁵² А. К. Толстой. Стихотворения. Л., 1958, стр. 255.

⁵³ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4, стр. 143—144.

как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: «почвы нет, народа нет...»⁵⁴

У Достоевского в «Дневнике писателя»: «Он [Пушкин] первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вошедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в *почве* нашей, и им в ней отысканные»^{54а}.

Слово *беспочвенный* в современном русском языке означает: 'необоснованный, не имеющий под собой никакой почвы, никакой опоры'. Например, *беспочвенный* замысел, *беспочвенная* гипотеза, *беспочвенная* надежда.

Это слово возникло в русском литературном языке не ранее 50—60-х годов XIX в., когда сформировались и вполне определились переносные значения слова *почва*: 1) 'опора, основа', 2) 'глубоко народная основа жизни, родная национальная среда'. Например, у Н. С. Лескова в «Загадочном человеке»: «Он сам родился в Польше, стране, подвластной России и ненавидящей ее, — какое, в самом деле, могло быть отечество у такого, так сказать, *беспочвенного* гостя земли?»⁵⁵

4. ПЛЮГАВЫЙ

Многие областные слова русского языка, встречающиеся по преимуществу в северо-западных и юго-западных говорах, находят соответствие в украинском и белорусском языках, а также в западнославянских языках. И часто бывает трудно решить, откуда и каким путем попали они в словарь русского литературного языка: непосредственно из западнославянских языков, или через украинское и белорусское посредство, или же более близким путем — из самой областной русской народной речи. Лишь подробное изучение семантической истории таких слов и географических границ их бытования, их «путешествий» в разные периоды развития русского языка может привести к точному и исчерпывающему ответу на все эти вопросы.

В составе же русского литературного языка слова этого типа всегда воспринимались и по своей экспрессивно-стилистической окраске, и по кругу употребления как просторечно-народные, а иногда даже вульгарные. На них не лежало печати модного заимствования. Пример — слово *плюгавый*.

В современном языке оно относится к просторечно-фамильярному стилю речи и окутано экспрессией крайнего презрения, почти брани. Оно значит: 'неказистый, невзрачный, мерзкий,

⁵⁴ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4, стр. 79.

^{54а} Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 12, СПб., 1884, стр. 410.

⁵⁵ Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 3. М., 1957, стр. 283.

дранной' (ср. *плюгавец*, *плюгавенький*). В русских областных народных говорах оно распространено не очень широко, и притом почти исключительно на Западе и Юге России, и особенно в говорах, соприкасавшихся с белорусским и украинским языками. Так, еще в «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852) были указаны псковские (опочецкие) слова: *плюгавик* 'змея', 'гад'; *плюгавка* 'мышь', 'крыса'.

В «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858) находим: «*Плюгавить*, гл. ср. Бездельничать. Ряз.

Плюгавый, ая, ое, пр. Бездельный, бездельник. Ряз (стр. 183).

В. И. Даль прибавил сюда новые значения глагола *плюгавить*: 'гадить, поганить, портить, пакостить' с отметкой, что этот круг значений типичен для южных русских говоров⁵⁶. Слова с основами *плюг-* — *плюгав-* очень активны и употребительны в украинском и белорусском языках (ср. укр. *плюгавы*; *плюгавство* 'гадость, мерзость'; *плюгаиш*, *плюгавиця*; *плюга* 'некрасивая'; блр. *плюгавый*, *плюгавство* и т. п.). В польском языке находим: *plugawy* 'грязный, мерзкий, пакостный'; *plugawstwo*; *plugawiec* 'неряха', *plugawica* 'неряха', *plugawic* 'грязнить'; ср. в чешском: *plihavý* 'кто таскается', *plihavec* 'потаскуха', *plihati* 'таскать, волочить', *plihati se* 'таскаться'; в словацком: *pl'uhat'*, *pl'uhavý*⁵⁷.

В русский литературный язык слова *плюгавый*, *плюгавство* попали не ранее XVI в. из языка Литовского (или Литовско-Русского) государства. Например, в «Актах Археографической экспедиции» (III, 384): «И русских людей называл *плюгавством*, а литовских людей похвалял во всем»⁵⁸. Однако можно думать, что до начала XIX в. *плюгавый* и производные не были широко употребительны в русском литературном языке, даже в простом его слоге. Во всяком случае эта группа слов не нашла себе места в словарях Академии Российской. По-видимому, она относилась к разряду вульгарно-областных речений.

В светских стилях повествовательной прозы первой трети XIX в. эти слова также были малоупотребительны. Но в пассивном словаре экспрессивной фамильярно-разговорной речи слова *плюгавый*, *плюгавец* со значением 'невзрачный, гадкий, мерзкий, внушающий отвращение своим неказистым и неприятным видом, вызывающий гадливое чувство' сохранялись с XVII в. В языке русской реалистической литературы XIX в. они ожили. Они обычны в языке Достоевского⁵⁹, Салтыкова-Щедрина и Н. С. Лескова (ср. в романе «Некуда») и употребе-

⁵⁶ Даль, III, стр. 132.

⁵⁷ См.: Васмер, II, стр. 377.

⁵⁸ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 488.

⁵⁹ См.: Ушаков, III, стр. 312.

ляются как чисто народные русские клеймящие эпитеты (в составе авторского повествования). В языке Пушкина слово *плюгавый* встречается лишь дважды (один раз в цитате). Характерен контекст употребления:

Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: такой-то де старик,
Козел в очках, *плюгавый* клеветник,
И зол, и подл: все это будет личность ⁶⁰.

Понятно, что нарисованная здесь картина «жизни» слова *плюгавый* является очень неполной. Остается неясным, было ли действительным встречное движение слова *плюгавый* из областных русских говоров или из украинского языка по направлению к русскому литературному языку в XIX в. и были ли перемены в литературном употреблении этого слова на протяжении XVIII и первой половины XIX в. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что книжное образование *плюгавство* в русском языке XVIII и XIX вв. неупотребительно.

Следовательно, по отношению к словам славянского корня даже этимологическая проблема не может всегда с уверенностью разрешаться в сторону заимствования или исконного родства. Вместе с тем слова, вовлекаемые в лексический строй русского литературного языка из других славянских языков, особенно в тех случаях, когда их морфологическая структура находила себе близкие соответствия в привычных литературных или народных русских словах, никогда не представлялись в аспекте лексической системы русского языка заимствованиями (ср. историю значений таких слов, как *право*, *причина*, *особа*, *щеголь* и т. п.). Правильнее всего считать, что слово *плюгавый*, находящее себе соответствия в западнославянских и восточнославянских языках и употребительное в русских народных говорах — южных и западных, проникло в литературный язык из диалектной речи.

5. ПОЕДИНОК

Слово *поединок* носит книжный отпечаток. Оно обозначает борьбу двух противников. Иногда употребляется и в переносном смысле применительно к спору, прениям, состязаниям, диспуту двух сторон, двух собеседников. Морфологический состав этого слова: *по-един-ок* не вполне обычен для русского языка. Между тем нельзя отнести это слово и к числу старославянизмов. Оно неизвестно ни в старославянской письменности, ни в памятниках русского языка до конца XVII — на-

⁶⁰ «Словарь языка Пушкина», т. 3. М., 1959, стр. 374.

чала XVIII в. А. А. Лебедев в исследовании «К истории кулачных боев на Руси» пишет о русском быте до XVIII в.: «Собственно название „поединок“ и не употреблялось ни в устной речи, ни в законе, а имелся термин „поле“; напр., „дать им поле“ или „прошу поля“» («Русская старина», 1913, август, стр. 328). В Судебнике 1497 г. читаем: «А биться на поле бойцу с бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися». О «поле» говорится в Уложении 1649 г. (гл. 10).

Все это свидетельствует о том, что слово *поединок* укрепилось в русском языке не ранее самого конца XVII в. Ему соответствует в польском языке *pojedynek*, *-nki* 'единоборство, борьба один на один, состязание двух противников' (*pojedynkować* 'единоборствовать, биться на поединке')⁶¹.

В «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова слова *поединок* нет (хотя и приводится в качестве наречия выражение *поединому* — *חד' עכסות*, *singulatum*). Однако в «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. уже отмечено при передаче *Duell*, *duellum* и слово *поединок*: «Борьба, битва один на один, *поединок*» (стр. 139). Ср. также «*Zweikampf*, *duellum* — *поединок*» (стр. 788).

Можно предполагать, что русское *поединок*, которое с общей этимологической точки зрения представляется похожим на церковнославянизм, возникло в русском языке под влиянием польского *pojedynek*. Проф. М. Р. Фасмер также считает, следуя Брюкнеру, слово *поединок* заимствованием из польского языка (вопреки Э. Бернекеру, рассматривавшему это слово как славянизм)⁶².

6. ПРЕДВЗЯТЫЙ

На разных этапах истории русского литературного языка менялись формы и принципы отношения русской лексико-семантической системы к семантическим системам западноевропейских языков. Эти изменения отражались и на выборе заимствованных слов, и на приемах их русской национализации, и особенно на методах калькирования чужезычных слов. В области этих семантических явлений особенно резкая грань между прошлым и новым обозначается в 30—40-е годы XIX в.

Слова *предвзятый*, *предвзятость* — книжные, интеллигентские. Они употребляются преимущественно в стилях рассуждения, публицистического и научного трактата. *Предвзятый* означает: 'основанный на предубеждении, сложившийся заранее, до ознакомления с сущностью чего-нибудь, являющийся

⁶¹ Ср.: Brücker, стр. 204.

⁶² См.: Vasmer, II, стр. 387.

плодом какого-нибудь предрасположения'. Например, *предвзятая* мысль, *предвзятая* точка зрения, *предвзятое* решение, суждение. Естественно, что слово *предвзятость*, кроме обозначения отвлеченного качества по прилагательному *предвзятый* (*предвзятость* мысли, решения), выражает также значение: 'предубеждение, предвзятое отношение к кому — чему-нибудь'. Например, судить без *предвзятости* ⁶³.

Эти слова по своему морфологическому строю связаны с церковнославянскими элементами в составе русского литературного языка (*пред-взять*, *пред-взимать*). Однако эти слова в их нынешних значениях сложились не ранее 40-50-х годов XIX в. В самом деле, они еще не находят отражения в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Здесь глагол *предвзимати* — *предвзяти* рассматривается как устарелое, церковное слово. Значение его определяется так: «предварительно брать; занимать или захватывать, упреждая других» ⁶⁴. Слова же *предвзятый* и *предвзятость* тут вовсе не отмечены. Отсюда можно сделать вывод, что образование этих слов произошло независимо от активного употребления устарелого церковнославянизма *предвзять* ⁶⁵. Причастие-прилагательное *предвзятый* возникло тогда, когда глагол *предвзять* уже выпал из активного словаря русского литературного языка, перестал применяться в общелитературной речи. Очевидно, морфологическая структура и значение слова *предвзятый* слагались под некоторым влиянием западноевропейских языков. Это слово понадобилось для перевода чужого слова и понятия (по-видимому, в научно-философском языке). Трудно возводить генезис русского слова *предвзятый* к французским выражениям *parti pris* 'предвзятое мнение, решение', *sans parti pris* (ср. *предвзято* 'de parti pris'). Следовательно, слово *предвзятый* вызвано к жизни немецким *vorgefasst*. Ср. в «Полном немецко-русском лексиконе» (ч. 1-2. СПб., 1798, стр. 865): «*Vorgefasst* — прежде надлежащего исследования принятый. Eine *vorgefasste* Meinung — предрассуждение, предубеждение. Eine *vorgefasste* Liebe — любовь пристрастная, преждевременная, предубежденная».

Любопытно, что в 50-х годах и в самом начале 60-х годов еще намечается колебание между *предвзятый* и *предзанятый*.

Ср. у М. А. Антоновича в статье «Два типа современных философов» (1861): «При таких условиях и с такою подготовкой старые философы принимались за изучение философии. У них

⁶³ Ушаков, III, стр. 711.

⁶⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 905.

⁶⁵ Впрочем, в «Латинско-немецко-русском лексиконе» Вейсмана 1731 г. образование *предвзятый* в прямом этимологическом значении встречается (см. стр. 725).

была уже готовая, *предзанятая* система, и укоренилось непоколебимое убеждение, что всякая философия ложна и зловредна»⁶⁶.

Но к середине 60-х годов слово *предвзятый* глубоко вошло в лексическую систему русского литературного языка, и прежде всего в его философские и публицистические стили.

У И. С. Тургенева в статье «По поводу „Отцов и детей“» (1868—1869): «Нет, без образования, без свободы в обширнейшем смысле — в отношении к самому себе, к своим *предвзятым* идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории — немислим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя».

У Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» (1873 г.): «Всякое художественное произведение без *предвзятого* направления, исполненное единственно из художественной потребности»⁶⁷.

Но ср. у того же Ф. М. Достоевского в рецензии на «Рассказы Н. Успенского» (1861 г.): «Но взгляд и идея писателя, выведенные уже вследствие разработки накопленного материала, совсем другое дело, совсем не *предзаданный* и идеальный взгляд, а реальный взгляд, выражающий, судя по силе писателя, иногда даже всю современную мысль народной жизни в данный момент»⁶⁸.

У Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: «Я — независимый, то есть независимый от *предвзятых* мнений и доктрин»⁶⁹.

У М. И. Сухомлинова в «Истории Российской Академии»: «Назвать эту мысль *предвзятою* нельзя уже потому, что с этим названием соединяется большею частью понятие об умысле, о сделке со своею совестью, о намеренном уклонении от ясно сознаваемой правды»⁷⁰.

У К. С. Станиславского в книге «Моя жизнь в искусстве»: «Нехорошо, если художник сразу наметит себе такую точку, от которой будет смотреть на все произведение, и зафиксирует ее на первом же законченном и проработанном рисунке. Тогда ему уже трудно будет отойти от этого рисунка для дальнейших поисков, и он делается односторонним, *предвзятым*, точно обнесенным какой-то стеной, через которую нельзя видеть новых перспектив»⁷¹.

Образование слова *предвзятый* хотя и было стимулировано воздействием немецкого *vorgefasst*, свелось, в сущности, к переосмыслению причастной формы от глагола *предвзять*, сохранявшегося в архивном фонде русского литературного языка.

⁶⁶ М. А. Антонович. Избранные статьи. ГИХЛ. М., 1938, стр. 10.

⁶⁷ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1884, стр. 74.

⁶⁸ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 13. СПб., 1886, стр. 548.

⁶⁹ Н. И. Пирогов. Сочинения, т. II, стр. 175.

⁷⁰ М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. V, стр. 273.

⁷¹ К. С. Станиславский. Указ. соч., стр. 273.

7. ПРЕДУМЫШЛЕННЫЙ

Слово *предумышленный* носит на себе отпечаток книжной устарелости. Оно кажется официально-правовым выражением, унаследованным от глубокого прошлого. По своему образованию оно — явный «славянизм», и притом архаического типа. Его значение ясно: 'совершенный с умыслом, с заранее обдуманым намерением' (*предумышленный* поступок, *предумышленная* обида и т. п.). Его морфологический состав также прозрачен. Оно является синонимом более живого и употребительного слова *преднамеренный*. Но слово *преднамеренный* древнее слова *предумышленный*. И оно же постепенно и вытеснило его. Кроме того, слово *умышленный*, в сущности, выражает почти то же, что и *предумышленный*. Слово *предумышленный* не отмечено ни одним словарем русского языка до второй половины XIX в. Его нет в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (хотя здесь указаны *умышление*, *умышленный*, *умыслить* и производные: *умышленник*, *умышленница*, *умышленнический*). Его пропустил и Даль в первом издании своего «Толкового словаря». Но есть основание думать, что оно возникло в стилях русского книжного языка не позднее конца XVIII — начала XIX в. под влиянием немецкого *vorbedächtigt*. В «Полном немецко-русском лексиконе», изданном «Обществом ученых людей» (ч. 2, 1798, стр. 860), читаем: «Der Vorbedacht... *предумышление*, предварительное размышление. Ich habe es mit Vorbedacht gethan — я сделал это нарочно, *умышленно*...» *Vorbedächtigt* 'нарочный, предумышляющий, одумывающийся', *Die Vorbedächtigkeit* 'предумышление', наречие *vorbedächtlich* 'умышленно'⁷².

И. Ф. Наумов указал на употребление этого слова в русском литературном языке 60—70-годов XIX в. в своих «Дополнениях и заметках к „Толковому словарю“ Даля» (СПб., 1874).

Таким образом, слово *предумышленный* в своем морфологическом строе и составе отражает явное старославянское влияние. Но как самостоятельная лексема оно зародилось лишь в официальном книжном языке конца XVIII в. и вызвано к жизни внешним толчком, полученным со стороны немецкого языка.

3. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Славянизмы, попавшие в русский литературный язык древнейшей эпохи, давали жизнь непроизводным и производным основам, которые затем приспособлялись для выражения разнообразных значений в разных лексических системах русского

⁷² В «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. находим: «Vorbedacht, praemeditatus, предрассужден *умышленный*... vorbedächtlich, praemeditatus, praemeditate, *предразмышленный*, *умышленный*» (стр. 724).

языка, вступая в сочетания с разными аффиксами. На этой почве было возможно развитие омонимии. Например: 1) *представить* — *представлять* 'ставить перед чем-нибудь' (ср. *представить* преступника к допросу; *представить* доводы, причины и т. п., отсюда — *представление*); 2) *представить* — *представлять*, *представление* — в психологическом значении, ср. нем. *vorstellen*, *Vorstellung*; 3) *представлять* кого-что на чем-нибудь или в чем (ср. *представитель*, *представительство*, *представительный* образ правления и т. п.).

Слово *представитель* в современном русском языке выражает ряд книжных и официально-деловых значений и оттенков. Из них основные — три:

1. Лицо, действующее по чьему-либо поручению, от имени кого-нибудь, представляющее собой чьи-либо интересы (депутаты Верховного Совета СССР — *представители* разных советских народов, *представитель* соседней державы, собрание *представителей* фабрик и заводов, *представитель* истца, *представитель* ответчика, *представители* армии и флота); должностное лицо, представляющее интересы какого-нибудь государства, какого-нибудь учреждения (полномочный *представитель* СССР, торговый *представитель* СССР в Турции, дипломатический *представитель*).

2. Человек, представляющий в своем лице ту или иную социальную категорию, тот или иной разряд людей, ту или иную деятельность, ту или иную сферу идеологии; выразитель взглядов, идеологии и вкусов какой-нибудь общественной группы (*представитель* русского народа, истинные *представители* трудящихся масс, *представитель* пролетарской литературы, *представитель* романтизма).

3. Существо или предмет как экземпляра, как образец того или иного разряда, вида, рода существ, предметов (*представитель* парнокопытных, интересный *представитель* местной флоры)⁷³.

Слова *предстáвитель* (с ударением на *a*) и *представление* помещены в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова. Им соответствуют греческие и латинские *παράστατης*, *παράστασις*, *repraesentator*, *repraesentatio*. Ср. *представляю* — *παράστένω*, *παρεμφαίνω*, *repraesento*. Однако ни в словарях Академии Российской, ни в академическом словаре 1847 г. этого слова нет. Причину невнимания к этому слову со стороны составителей академических словарей следует искать в политической окраске слова *представитель*, в его революционном значении. Словари избегают этого слова, так как оно было политическим термином вольнолюбивых, прогрессивных или даже революционных слоев интеллигенции.

⁷³ См.: Ушаков, III, стр. 725—726.

С переносом ударения в этом слове от *предста́витель* к *предста́витель* следует сопоставить такой же перенос в слове *мы́слитель*. Ср. у Пушкина:

Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный *мы́слитель* не ищет⁷⁴.

Таким образом, слово *представитель* не отмечено ни одним словарем русского литературного языка до «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля⁷⁵. Понятно, что и соответствующее значение в глаголе *представить* — *представлять* не обнаруживалось лексикографами до второй половины XIX в.

Между тем слово *представитель* вошло в русский литературный язык не позднее последних десятилетий XVIII в. П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» рассказывает такой эпизод из царствования Павла: «Во время государевой поездки в Казань Нелединский, бывший при нем статс-секретарем, сидел однажды в коляске его. Проезжая через какие-то обширные леса, Нелединский сказал государю: «Вот первые *представители* лесов, которые далеко простираются за Урал». «Очень поэтически сказано, — возразил с гневом государь, — но совершенно неуместно: изволь-ка сейчас выйти вон из коляски». Объясняется это тем, что было сказано во время Французской революции, а слово *представитель*, как и круглые шляпы, было в загоне у императора»⁷⁶.

Таким образом, слово *представитель* рождается в русском языке как перевод франц. *représentant*.

В своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803) А. С. Шишков, вычитав у Карамзина в «Письмах русского путешественника» фразу: «Многие другие *представители* и чиновники...», ехидно заметил: «Что такое *представитель*? Не то ли, что французы начали было называть *représentant* и которых ныне уже нет? — Да какая нам нужда до их *репрезентантов*? Не уж ли нам и для гилиотин их выдумывать русские имена?» (стр. 210).

Ср. позднее в «Воспоминаниях» Ю. Арнольда (ч. 3. М., 1892, стр. 176 и сл.): «Находились тут какие-то еще молодые, будущие, вероятно, сотрудники, да я в качестве "*репрезентанта* Музыкальных к Пантеону приложений"».

Слово *представитель* глубоко входит в систему русского интеллигентского словаря первых десятилетий XIX в.

Слово *представитель* (так же как и *представительный*) получило широкую распространенность в речи передовой интеллигенции 10—20-х годов XIX в. Оно очень часто встречается

⁷⁴ «Словарь языка Пушкина», т. 2, стр. 648.

⁷⁵ Ср. отсутствие этого слова в «Словаре церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 922.

⁷⁶ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, стр. 73.

у декабристов, иногда как синоним слова *депутат*. Например, в показаниях Трубецкого: «Установить, в каких городах или местечках будет происходить выбор народных *представителей*» («Декабристы», I, стр. 125); «Поступать в коренной союз мог только такой член, который понимал, что цель общества есть достижение *представительного* правления» (там же, стр. 106); у Н. Муравьева: «Избиратели... назначают уже *представителей* в вече. *Представители* получают ежегодное вознаграждение. Кроме того, избиратели сии назначают *депутатов* в областное вече» (там же, стр. 302—303); у Рылева: «...мною сделан был вопрос: а что делать с императором, если он откажется утвердить устав *представителей* народных?» (там же, стр. 174); у В. Кюхельбекера: «распространившееся в последние годы желание *представительного* образа правления» (там же, II, стр. 164); у Сергея Муравьева-Апостола: «Молодые люди... восчувствовали желание видеть в отечестве своем *представительное* устройство» (там же, IV, стр. 273).

В «Русской правде» Пестеля (СПб., 1906): «Великая мысль о *представительном* правлении возвратила гражданам право на участие в важных государственных делах. Пользоваться же народ стал сим правом... посредством своих *представителей*, коих из своей среды назначал на определенное время. Из сего явствует, что *представительное* правление решило великую задачу государственного управления... Не удивительно посему, что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению *представительного* порядка» (стр. 212); «Таким образом, решено, что *представительный* порядок непременно существовать должен и что народные *представители*, образуя особое правительственное место, в состав верховной власти входить должны» (там же, стр. 213).

У П. А. Вяземского в письме к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 29 сентября 1826 г.: «По смерти Карамзина ты призван быть *представителем* и предстателем Русской грамоты у трона безграмотного»⁷⁷.

В письме к тем же лицам от 6 января 1827 г.: «Он (Карамзин. — В. В.) был истинный и единственно полный *представитель* нашего просвещения»⁷⁸.

У Н. И. Тургенева в письме к А. И. Тургеневу от 22 января 1827 г.: «Я простыми доводами, низводя их с возвышенной трибуны в избу крестьянина или на конюшю деревенского помещика, убеждал их, что не о палатках *представительных* мечтать, но о палках и плетях думать должно»⁷⁹.

⁷⁷«Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. I. «Архив братьев Тургеневых», вып. 6. Пг., 1921, стр. 41.

⁷⁸ Там же, стр. 54.

⁷⁹ Там же, стр. 390.

В уставе «Арзамаса», написанном В. И. Жуковским (1817): «О *представителях* „Арзамаса“. *Представители*, или поверенные, „Арзамаса“ составляют особенный отряд и заменяют собою все общество в промежутки заседаний» («Русская старина», 1899, май, стр. 344).

В языке Пушкина слово *представитель* встречается нередко (в «Словаре языка Пушкина», т. III, стр. 671 зарегистрировано 24 случая употребления). Оно свойственно почти исключительно стилю журналистики и писем. Но ср. в «Скупом рыцаре» о золоте:

Кажется немного,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный *представитель!*

С общественно-политическим употреблением слова *представитель* было связано и слово *представительный*, возникшее в русском языке начала XIX в.

Ср. у Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»: В «Александре проснулись либеральные идеи, очаровавшие начало его царствования. В 1814 г. он побудил Людовика XVIII дать французам хартии, а на Венском конгрессе хлопотал он о даровании германским державам *представительного* образа правления»⁸⁰; «иностранцы, особенно австрийцы и прусаки, соглашались и на присоединение Варшавского герцогства к России, только бы в нем не было *представительного* правления»⁸¹.

Понятно, что в толковые словари русского языка эти слова попадают не сразу. Только в «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля они находят полное признание: «*Представитель*, -ница, заступающий чье-либо место, явившийся за кого, представляющийся законно за другого. *Представители* государей, или дворов государств, послы, посланники. *Представители* сословий, выборные от имени сословий. *Представитель* истца, ответчика, уполномоченный ими заступник перед судом».

Словарь Даля отражает также новую стадию в семантическом развитии слова *представительный*. Из первоначального значения 'основанный на институте представителей, на принципе выборности от разных слоев общества' в слове *представительный* возникает значение 'обладающий свойствами представителя, внушающий почтение, видный'. В. И. Даль отмечает: «*Представительный* человек, видный, взрачный или рослый и красивый, с ловкими приемами»⁸².

⁸⁰ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Academia. М.—Л., 1930, стр. 358.

⁸¹ Там же, стр. 359.

⁸² Даль, III, стр. 389.

Более широкое, обобщенное применение слова *представитель* по отношению ко всякому существу или предмету как к экземпляру или образцу какого-нибудь разряда, вида, рода распространяется в русском литературном языке лишь с 40—50-х годов XIX в.

9. ЦАРЕДВОРЕЦ

Историко-морфологическое и историко-семантическое изучение русских книжных типов словосложения помогает различить в них значительное количество разновременных напластований. Особенный интерес представляют наблюдения над синтаксическими отношениями компонентов сложного слова. Например, среди сложных слов именного состава с суффиксом *-ец* (*разночинец, золоторотец, черносотенец, двоеженец* и т. п.) выделяется своеобразие своего строя слово *царедворец*. Это слово несколько сближается со словом *однодворец* (в котором синтаксическое отношение элементов совсем иное; ср. устар. *одноженец, одноземец — единоземец, однородец, одноверец — единоверец* и т. п.). Слово *царедворец*, несомненно, образовано от словосочетания *двор царя* (или *царя двор*) с помощью суффикса *-ец*. Тип сложных слов, заканчивающихся суффиксом *-ец* с предшествующей глагольной и именной основой, укрепился в древнерусском языке под влиянием языка старославянского (ср. *человеколюбец, песнопевец, живописец, песнословец* и т. п.). Однако в древнерусском языке явно преобладало образование сложных слов на *-ец* с глагольной основой во второй части.

Слово *царедворец* относилось проф. В. П. Световым к числу неологизмов 60—70-годов XVIII в. В статье «Некоторые общие примечания о языке российском» («Академические известия», ч. III. СПб., 1779, сентябрь) В. П. Светов протестует против употребления слова *царедворец* вместо *придворный*, признавая это новообразование неудачным и неправильным, «даже и в стихах непростительным»⁸³.

Не подлежит сомнению, что слово *царедворец* образовано для передачи франц. *courtisan* (заимствованного в свою очередь из итальянского *cortigiano* — от *corte* 'двор'⁸⁴. Ср. нем. *Höfling*).

Слово *царедворец* в XVIII в. было более парадным, высоким (сначала — поэтическим, стихотворным) синонимом бытового слова *придворный*. Но оно скоро приобрело более узкое официальное значение — 'лицо, занимающее высокое положение при царском дворе'. *Придворный* в субстантивированном

⁸³ См.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 254—255.

⁸⁴ См. «Dictionnaire étimologique de la langue française par Oscar Bloch», t. I. Paris, 1932, стр. 185.

употреблении служило вообще для обозначения служащих при дворе⁸⁵.

Естественно, что стилистическая атмосфера, окружавшая имя существительное *придворный*, зависела и от контекстов употребления прилагательного *придворный*. Ср., например, в «Капитанской дочке» Пушкина: «Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница *придворного* истопника, и посвятила ее во все таинства *придворной* жизни».

Слово *царедворец* уже в 80—90-х годах XVIII в. вошло в норму русского литературного языка. Оно включено в словари Академии Российской. Здесь оно толкуется так: «*Придворный* господин, при царском дворе служащий. Государь, окруженный *царедворцами*. Хитрый, прозорливый *царедворец*»⁸⁶. Ср. производные прилагательные: *царедворцев*, *царедворческий*. У Пушкина в «Борисе Годунове»: «Лукавый *царедворец*». В языке Г. Р. Державина употребляется не только форма *царедворец*, но и произведенная от нее посредством устранения суффикса *-ец* *царедвор*.

У твоих ворот и крылец
Царедворец и герой
Брякнут в кольца золотые.

(К Эвтерпе. — Г. Р. Державин. Сочинения,
т. I. СПб., 1864, стр. 303)

Не обольщайся *царедворцев*
Лукавой сладостью словес.

(Первая песнь Пиндара. — Там же, т. 2.
СПб., 1865, стр. 341)

Ср. также «На взятие Варшавы», I, 448, 18; «Пожарский», IV, 171, 56.

... Над *царедворцевой* могилой
Над вождем молньеносных гроз.

(Урна. — Там же, стр. 143)

Ср. употребление бессуффиксной формы *царедвор*:

Вслед Шуйский воцарился:
Быв тонкий *царедвор*, слаб царски бармы
несть.

(Пожарский. — Там же, т. 4.
СПб., 1867, стр. 160)

Ср. «Ирод и Мариамна», IV, 228, 5; «Темный», IV, 418, 74.

⁸⁵ См. «Словарь Академии Российской», ч. V, стр. 302.

⁸⁶ «Словарь Академии Российской», ч. VI. СПб., 1822, стр. 1205—1206. Ср. то же (с исключением прил. *царедворцев*) в «Общем церковно-славяно-русском словаре» Петра Соколова, ч. II. СПб., 1834, стр. 1667.

Был ли в форме *царедвор* оттенок собирательности, легко переходящий в значение отдельной личности или сочетающийся с ним, — неясно (ср. *сирота*, *подмастерье*, *сволочь* и т. п.).

В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» (т. IV. СПб., 1847, стр. 416) *царедворец* определяется очень точно: «Сановник, служащий при царском дворе» (ср. то же толкование в словаре Даля). На слове *царедворец* и в русском литературном языке XIX в. сохранялся отпечаток неофициальной, но парадной, торжественной книжности. Понятно, что в разговорной речи эта экспрессия могла приобретать подчеркнуто иронический колорит.